

Ноктюрн на нитях нот

В “Звёздном пирате”, как всегда, было очень многолюдно, а новый народ всё прибывал и прибывал. Я пришел сюда с единственной целью: сконцентрироваться на мыслях и эмоциях людей, оставляющих здесь весьма зазря беспримерно огромное количество энергии, выплескиваемой наружу во всех многообразных и перекатывающийся образах, формах и разновидностях. На танцполе ярко светились стены, расписанные флуоресцентными акриловыми красками под этнический мотив стилизованного изображения животных. Воздух здесь прямо-таки кипел от невероятного, просто несусветного количества чувств, надежд, ожиданий и эмоций, которые сложно охарактеризовать как даже не только не имеющих отношения к аристократическим, но даже и к элементарно отдалённо напоминающим гармоничные и светлые.

Грохотала музыка, и в такт её гулким раскатам, закладывающим уши, то замедляясь, то ускоряясь двигалась и подпрыгивала поблёскивающая толпа развлекающихся остолопов. Пластиковая одежда у большинства прожигателей жизни, завсегдагатайствующих в “Звёздном пирате” ярко отсвечивала блесками волн складок синтезики в лучах ультрафиолета так, что казалось, будто смотришь далеко сверху вниз, с высоты птичьего полета на многообразие самоцветных кряжей и булыжников жидких или желеобразных гор, которым никто и никогда не придумывал наименования, ведь в корне любых названий и имён лежит стабильность наблюдения, а здесь - на потных майках, прилипших к выпирающим то здесь, то там девичьим грудям и проколотым пупкам - о какой стабильности вообще можно было бы вообще говорить, кроме стабильной цикличности подобного времяпрепровождения у любителей и любительниц безвкусицы, понтового гламура, пьяных коктейлей и лёгкого поведения?

Внезапно я увидел, будто музыка зацепляет целый танцпол людей, дергая их за незримые глазу нити, и, по сути, оно именно так и обстояло. С каждой вспышкой света я оказывался способен заметить покадрово меняющиеся формы и направления тела, точно никто выпучил в пространство быстро снимаемые и отображаемые фотографии, застывшие восклицательным безмолвием застывшего концентрата чувств в проблесках жёстко мигающего стробоскопа, оставляющего на сетчатке моментальные ожоги в красках аналоговых фотонегативов. Каждый из танцующих оказывался заключенным в некую

многогранную решетку, похожую на полную безудержных детей и клубных повес раму сот, сотнями людей измеряющих собственную вместимость строго очерченных ячеистых структур, точно я разглядывал сильно увеличенную кристаллическую решетку металла, между связями которой и пытались втиснуться, подобно кишасим дёрганым электронам, все эти люди, подсознательно, видимо, опасаясь, что останутся без пары, заняв позу расслабленности и тишины, а оттого всё лишь нагнетая и нагнетая собственную вёрткую, как у обезьянки, непоседливость и повсеместность.

Тепло и уютно лишь для некоторых - я, похоже, не из их числа: здесь слишком много драйва, слишком много аффекта и экстаза, просто шквал патетики. Ломкие, лопающийся и ухающие звуки заставляли выписывать в пространстве довольно четкие контуры полупрозрачных трейсов или фленджеров, как их стало модно называть в последнее время с лёгкой подачи всё тех же тусовщиков. Эти движущиеся до самого потолка полупрозрачно-полупризрачные бесконечно повторяющиеся контуры рук, ног и тел точно пропитывали воздух всплесками энергий, как каждый из танцующих, дёргающихся, как выползающая на свободу личинка-гусеница, пованивал нагретым пластиком одежд, потным жаром высокого кровяного давления и феромонами надежд.

Одновременно с целостной картиной всей этой отвратительной толкучки ставилось действительно заметно, что энергия танцующих дрожит и вибрирует, собираясь в итоге в единый пучок, тянущийся за пределы стен и домов снаружи, хотя присутствие этого отталкивающего наэлектризованного потока магнетизма побрякивающих уток и токующих глухарей не могло быть столь уж явным здесь для всех и каждого. Я искренне удивился, когда понял, что, возможно, подобным образом способны воспринимать мир немногие другие люди в этом зале. Прочие же, похоже, ничего и не чувствовали, отключив в себе всякий инстинкт самосохранения, да и насквозь пропускали бы окутывающий их голос внутреннего интенсивного сияния, оказавшись таковым интуитивно. Насколько же ярко и красочно можно было бы попытаться донести до гороховых стен огорода весь этот калейдоскопически психопатологический маскарад. И - с ровно тем же результатом, как и до представителей танцпольных меньшинств народа.

На каждую вспышку стробоскопа окружающая обстановка возводила головокружительные смысловые системы стен, парящие прозрачными пластинками в воздухе, точно плексигласовые лепестки светофильтров, которые, проявляясь снимками старых фотоаппаратов,

практически тут же отправлялись восвояси, медленно выходя за пределы нашей обыденности, словно переманивания формы визуального мира сквозь ушко целей и причин пульсации измененных состояний сознания и самосознания всех этих аляповато нафуфыренных клубных барышень и их низкопробно пустых быдлокавалеров, разящих многодневным перегаром. Зачастую девушки здесь выглядели столь откровенно, что казалось, будто, устав работать на обочине дороги по ночам, они все разом потянулись в этот модный клуб в поисках более простой, уютной и денежно обеспеченной жизни. Вокруг них стайками вращались, крутясь как детсадовские волчки, всё те же выпендрёжно-понтовые парни-балбесы, пребывая в извечном состоянии изрядной нетрезвости, слетаясь на девушек кучками, совсем как сельские бронзово-зелёные мухи лета на известного рода удобренческую субстанцию.

Над головами колбасящихся на танцполе тел разбухали многообразные красноватые и оранжевые ауры, были здесь ауры и других цветов - преимущественно не самых приятных и плодотворных для претворения в жизнь тонов и оттенков. Казалось, что большинство людей ходят сюда похорохориться перед представителями противоположного пола в надежде, что в эту же ночь им что-нибудь да перепадёт. Ну или просто побухать или поторчать на разных таблосах и марках, прыгая и дрыгая руками и ногами, мотая в разные стороны головой. Распухали розовые, алые, охристо-жёлтые и апельсиново-оранжевые пятна энергий, точно туманчики испарений токсичных инопланетных болот или улетевшие в благородную атмосферную высь неочищенные отходы химического производства. Пространство было до самых глубин пропитано эманациями пафоса, непонимания, граничащего с тотальным невывозом ложного престижа, поэтому, зайдя на площадку, я всякий раз очень желал поскорее сделать отсюда ноги, дабы не пропитаться этими тяжёлыми флюидами зависти, разделённости, разврата, принимающих крайние формы приземленно агрессивной инфантильности окружающих меня “танцоров”, скачущих, как набутиратившиеся обезьянки.

По полу, незримые для глаз абсолютного большинства присутствующих, ползали полупрозрачные контуры пауков, полуметровых цветастых слизняков, медуз и каких-то змеящихся зверьков, по крайней мере, именно похожим образом они заставляли восприниматься сознанием через наделение их теоретических качеств сходства с действительно обитающими в нашем мире животными. Если бы можно было вмиг разрушить беспрестанно сочиняемый и

сочиняющийся каждым из людей мир, заставив его потерять в характеристиках нашей перцепции постоянную описательную часть, оформленную через формализацию невнятной условности разграничений в алгоритм строго и непоколебимо кажущихся границ, тем был бы менее постоянным, сколь и менее убедительным “объективный” мир, который абсолютное большинство принимает за реальность, тогда как это оказывается лишь его способ казаться реальным лишь самому себе.

Другим же он кажется реальным их собственным способом, призванным убедить в собственной реальности, прежде всего, их самих, а каждый из нас в итоге видится заключённым собственного обманчивого и неустойчиво текучего поля восприятия, проводящего бесконечные и бессмысленные проверки устойчивости нами же самими выдуманных структур, тогда как без всего наносного не осталось бы ничего, кроме взаимодействия чистых форм энергии в их перетекании из одних в другие - но даже и такой подход оказывается не совсем правильным, если учитывать, что прошлые формы, из которых случилось перетекание, никуда не исчезают, как не появляются и те формы, куда эти энергии направляются. Просто всё становится тем потенциалом, существующим и не существующим одновременно, для которого быть - означает самоактуализироваться через фокусировку на нём стороннего восприятия, тогда как с точки зрения восприятия, имеющего иную точку фокуса, не существует ничего из того, на чём это восприятие не сосредоточено, что, уже в свою очередь, делает каждый из потоков энергий существующим и не существующим одновременно, поскольку в каждом квантовом состоянии Вселенной всегда существуют фокусы восприятия на каждом из потоков, не концентрирующиеся на всех других потоках.

Фокусировка здесь - тоже понятие не вполне верное, поскольку это скорее синхронизация, нахождение подходящей волны, создающее эффект ясности, чем ясное нахождение органами чувств в виде каких-то конкретных образов. Да и безраздельность всего существования приравнивает бытие отдельного его элемента к восприятию этого элемента, а так как источник и приёмник восприятия находятся в информационном поле друг друга, а в конечном абстрагировании представления - в информационном поле всего, то существование можно приравнять к свойству потенциально самоотражаться, быть - означает воспринимать собственное бытие, а поскольку многомерная безграничность всего исполнена условных “объектов”, неспособных, казалось бы, к восприятию самих себя, то их

существование поддерживается энергией осознания самой Вселенной, из которой эти “объекты” и состоят, тогда как принимаемая ими форма определяется сознаниями тех существ, что обладают способностями к отражению ложно разграниченных свойств в собственном сознании.

Вот гора Эверест. Он есть в силу естественных свойств миропорядка, делающих Эверест существующим, но каков он за пределами возможности воспринимать его как гору в разуме человека? На этот вопрос может ответить только разум не человека, но и то - только сам для себя. С другой стороны, какой смысл в подобных ответах, если отражения разума внутри разума не порождают вопросов. Мы же не спрашиваем сами у себя, каков этот Эверест, мы его просто воспринимаем. Но мы никогда и никому не объясним смысл начего восприятия, поскольку любые слова замкнуты лишь сами на себя и означают полагающиеся ими обозначать смыслы только в рамках того разума, что оказался способен к порождению этих смыслов и их словесных ярлыков. Нам никогда не понять, какое может быть всё, кроме такого, какое оно может быть для нас самих.

И потому все эти типы медуз, пауков, слизняков и прочих астральных напастей представимы в конечной точке их обезчеловечивания для нас лишь как вибрации, занимающиеся принятием и поглощением выплескиваемых в нестерпимых танцевальных порывах низкочастотных вибраций конвульсивно, если не сказать - агонистично, дрыгающихся клубных укурков. После плясавшей практически нагишом вокруг круг стульев и шеста стриптизерши, оставивший в конце концов на себе лишь узкие чёрные стринги, а также после шумных и пошлых конкурсов с участием девушек и главного топлива местной молодёжи - невообразимого количества водки, снова оказалось можно наблюдать, как опухают их цветные эфирные тела, словно сущие уши от глухих ударов музыкальных басов ухающего диптранса и драм-энд-бэйса, скачут ускоренно-разогнанные на соли упорыши - “почти что опарыши”, - подумал я и слегка усмехнулся, а дребезжащую музыку сопровождает не менее вибрирующе-бесявый такой девичий голос, и вся эта пятнистая вакханалия тошнотворно-глумливо, как ложками по кастрюлям, умпцкает электронным хардбэйсом “Бетонщиков”: “...дыц-тыц-дыц-тыц-дыц-умпс-умпс-умпс-умпс-голова-туда-сюда-скорость-феррум-колбаса-умпс-умпс-умпс-упмс-дыц-дыц-тыдыц-дытыц-туда-сюда-дыц-дыц-тыц-туда-сюда-туда-сюда-феррум-феррум-колбаса-дыц-дыц-дыц-умпс-умпс-умпс...” - и так далее, почти до бесконечности и практически без каких бы то ни было вариаций. Я

понимаю, конечно, что весь тот адский стёб был вложен в подобные треки не просто так: заметна удивительного рода гениальность музыкантов, сделавших себе имя исключительно попаданием в поток - в нужное время, в нужном месте и в нужной форме, зато практически без музыки, без сопротивления, сливаясь с лёгким путём потока современности - не это ли идеальное следование своему дао? - а вот понимают ли его мельтешащие у меня перед глазами колбасули самого нежного студенческого возраста, чьи головы как раз и мотаются в данный момент туда-сюда, как мясной метроном? Может, да. А может, и нет. Кто уж как, право - судить о подобных вещах всё равно, что измышлять о самих суждениях и измышлениях, не ведая сути этих явлений, но всё лишь расхаживая вокруг да около. Бессмысленно, как и вообще всё остальное в человеческой проекции существования.

Ребята-девчата в клубе, похожие на восковые фигурки, резко и рублено перемещаются, перемешиваясь на тесном пространстве танцпола, как тянучки расплавленного пластилина или раскатанной полимерной глины, разносясь своими трейсами повсюду, как поле электрона вокруг атома, позволяя, совершив лишь небольшое усилие, продвигаться наблюдателю в узкие сходящиеся пространства за иллюзии, распадающиеся рассыпчатыми хрустящими льдинками всполохов. Несколько удивительно было наблюдать рассматривать среди танцующих всевозможных косплееров, облачённых в одеяния столь всевозможные, что сразу же становилось ясным: в подобном диком сочетании их не увидеть нигде, кроме этого громового чистилища и подобных ему современных и модных молодёжных шабашей: одеяния, начиная от медсестёр-ангелочков и заканчивая чуть ли не военной формой времен нацистской Германии, вперемешку со всеми этими павлиньими перьями, светящимися в ультрафиолете акриловыми и нейлоновыми тельняшками вкупе с полупрозрачными мини-юбками и просвечивающими под ними трусиками.

Я также слегка повеселился вместе с прыгающим народом под лязгающую кислотно-фениковую музыку, столь излюбленную клубными зомби, как вдруг всей поверхностью кожи почувствовал на себе настороженный, серьёзный и пристальный взгляд в спину, от которого не могло не становиться не по себе. Обернувшись, я заметил неподалёку относительно молодого человека, стоящего за барной стойкой и настойчиво просверливая меня взглядом насквозь. Одет он был в длинный плащ тёмного цвета, носил на носу квадратные очки и периодически гладил сам себя по блестящей от ультрафиолетовых лучей залысине. Он мечтательно стоял и отвлечённо улыбался

тонко-бледными невнимательными губами так, словно задумал величайшее мошенничество века, о котором никогда и никто бы не смог ничего узнать, приняв за чистую монету гениально сфабрикованную ложь.

В момент, когда был пущен дым, настолько густой, что невозможно было даже увидеть собственные руки, всё окружающее меня пространство превратилось в мерцающие и тут же единомоментно забывающие самих себя вспышки диодных бликов разных оттенков. В этот самый момент незнакомец с пристальными глазами и невовлечённым во всё происходящее лицом подбежал ко мне и попытался что-то прокричать, но безрезультатно: музыка железными басами перекрывала все его слова. Наконец, мне всё же удалось разобраться, что же этот человек нервно и поспешно желал донести до меня. Он спросил: “Ты ведь тоже видишь вот это всё? Эти потоки, эти нити?” Я в ответ утвердительно кивнул головой: мой собеседник тоже излучал серии почти неразличимых тонких, толстых, прерывистых, целостностных, длинных и коротких, точно азбука Морзе, нитей, заканчивающихся вспышками, как ананасы - зелёно-треугольной ботвой, которую можно высаживать в горшочек и растить свежие ананасы, жуя их периодически с поджаристыми рябчиками и более не опасаясь бессмысленного и беспощадного русского бунта. Хотя кто знает, может, и следовало бы на самом деле?

Переплетаясь, нити превращались в ярко мерцающую массу стеклянисто-пластиковых огней гирлянд, уплывающих совершенно в неопределённом направлении, опутывая всех и каждого, точно бы стараясь замести за собой следы тем, что наследить повсеместно и сделать невозможным определение истока и устья плутающих, как зимний кролик в лесу, отметин эманационных пятен чужих интенсивных эмоций. Незнакомец накоенц-то представился: “Я - Аристарх, рад познакомиться”. Я протянул ему руку, пожал её и так же представился: “Лаврентий, взаимно”. Тогда Аристарх попросил меня следовать за ним. Я, слегка недопонимая, что же тут происходит на самом деле, неожиданно для самого себя, как под гипнозом, не смог сопротивляться изъявлениям его воли и действительно послушно, как новорожденный барашек, пошёл за своим новым знакомым.

Мы спустились в полуподвальное помещение. Аристарх открыл скрипучую старинную, почти что старушечью дверь не менее, как тридцатисантиметровой тощины, внушительно габаритным ключом, который, казалось, был сделан из чуточку подзаржавевшего чугуна. Подвал оказался на удивление уютным, но точно бы содержащимся без

всяческих веских изменений из века в век на протяжении, наверное, уже не менее, если не более половины тысячелетия. Антикварная мебель деловито блестела драгоценными камнями, как жирные пальцы банкира, привыкшего в равной степени к утомительному процессу накопления капитала и к отдыху на широкую ногу. Расписные просторные дубовые кресла, достойные лучших дворцов мира былых веков, были обтянуты натуральной кожей бело-персикового и бежевого тонов, а на стенах, помимо складчатых сливочно-сиреневых тканых обоев из натурального шёлка, висели вышитые с глубочайшим пиететом и ювелирной искусностью изысканные тонкие гобелены с изображением европейских городов позднего Средневековья и Нового времени. Судя по веявшему от этих элементов аристократического декора очищенному дыханию времени, в обоях использовались натуральные природные красители, добытые из деревьев и моллюсков где-нибудь в Индии или в африканских странах, а изображения на гобеленах в момент вышивки были вполне себе актуальны и отражали присущую им суровую современность былых дел и событий, давным-давно занявшим почётное место на пыльных страницах далёких томов вузовских учебников по мировой истории.

Примерно с минуту мы все, не сговариваясь, просто молчали, видимо для того, чтобы я сумел сориентироваться в этой сонно-благородной, почти что музейной атмосфере дворянского особняка времен екатерининского просвещённого абсолютизма и дворцовых переворотов, а затем Аристарх неспешно и полумечтательно произнес со странноватым акцентом, протяжно и по-дикторски правильно выговаривая в словах каждый звуковой полутон на питерский лад, который в гуле танцпола не был мною замечен:

- Нечасто здесь можно встретить человека подходящей конфигурации.

- Подходящей конфигурации чего? - удивился я.

- Энергии, конечно же, чего же ещё. Ты способен видеть в отдыхающих дамах и господах, пришедших в наше заведение, цветные потоки и струны, а поэтому твоя энергия на ощупь, вкус и цвет в некотором роде и смысле отличается от энергии большинства здесь танцующих. А вот потоки колеблющихся волн энергий были в подобных условиях всегда - как сейчас, так и два с половиною века назад, только вот... бал несколько изменился, да и народ несколько измельчал. Но всё это формы, лишь фирмы - и ничего более за ними - суть всегда остаётся одной и той же: хоть сейчас, хоть тогда. Ты же просто не вписываешься, поскольку не можешь быть подобным этим

людям донором сил и крепко держать своё кредо побольше наследить, искренне веря, что оставляешь собственные отпечатки чувств и желаний во имя долгой и счастливой жизни у самого себя. А на самом деле - у нас. Помнишь, как в той песне поётся у Летова: “Долгая счастливая жизнь, такая долгая счастливая жизнь каждому из нас, каждому из нас...” Игорь Фёдорович хоть и не принадлежал к нашему клану, но был близок к некоторым особам из наших, а оттого оказался одним из очень немногих редких чужаков, что были посвящены в нашу тайну за всю историю существования клана. И как в его песне, сочинённой в честь собственной ремиссии, эта жизнь для нас порою слишком затягивается, оборачиваясь кошмаром, в котором не остаётся не только потрясений, вдохновений и праздников, но и вовсе любых желаний и эмоций, кроме непрекращающейся тошноты от этой вездесущей мышьиной возни бессмысленных народов.

Назвать ещё? Да пожалуйста. Немного таких, в основном - учёные да мыслители и общественные деятели былых лет с мировой известностью: Да Винчи, Ломоносов, Шэньсюй, Рерих, Таурихин, Лао Цзы, Коперник, Андреев, Конфуций, Тесла, Колпиневский, Менделеев, Зороастр, Еликман, Гурджиев, Мерфи, Залесских, Карамзин, Гумилёв, Дювилль, Кейси да Вавилов с Вернадским ещё разве что были - всего-то за долгую историю человечества, согласись, что это действительно капля в море. Вот тебе и полный список за несколько секунд. Ещё, как это ни странно прозвучит для тебя, Владимир Маяковский, хотя вот он-то как раз из наших был и остаётся, я его самолично посвящал, помнится, а затем ему пришлось разыграть весь этот театр с пистолетом и скоростно покинуть человечество, запомнившее его бунтарствующим стихоплётом, навсегда. Зато до сих пор жив, хоть и далеко отсюда поселился по чужим именам, хитрый рифмач, актуальные и свежие, как лимонный сок, слоганы для рекламы выдумывает - уж шибко у него хорошо подобные вещи получаются. Ну да не будем слишком уж долго задерживаться на таких вещах - с них тебе всё одно пользы, как тому не шибко везучему медведю от еловой шишки из детского стишка.”

Я подумал, что мне следовало бы как-то восполнить свои пробелы в образовании, поскольку из вышеперечисленного списка в упор никак не получалось вспомнить Еликмана с Таурихиным среди знаменитостей с мировым именем, однако Аристарх не предоставил мне достаточно времени на переживания и саморефлексию, продолжая тем временем рассказывать: “Ты видел, как быстро переплетаются их мысли в один-единственный пучок? Ведь ты видел, не так ли, это действительно

правда? Так вот, ты воспринял Всемерную Лиану, один из глобальных оранов бытия, регулирующих мировое равновесия и обустроенных нашим древним кланом во имя гармоничности сосуществования всех единых и взаимосвязанных вещей и существ. Лиана отбирает у отягощенного излишествами человеческого ума излишки энергии там, где человек был бы, порою, рад добровольно отдать эти излишки, и возмещает тем, что позволяет, выпустив пар души, избежать саморазрушения и продлить пребывание на этой планете. Ведь и паровой котёл способен повышать производительность лишь до определённого порога, перешагнув за который этот котёл просто взорвётся и уже не будет способен вообще ни на что. Потому наша Всемерная Лиана находится среди людей в вечной жажде поиска энергии, приползая в места наибольшего разгула порождаемых людьми вихрей, как следует из её названия, протиснувшись между всеми измерениями.

А мы? А мы, ха-ха-ха, здесь - орхидеи, корнями вросшиеся в Лиану и паразитически питающиеся век из века её омолаживающими токами. Причём, это не такая уж и аллегория. Мы действительно связаны симбиотическими узлами с цветами, похожими на орхидеи, но только проросшими из других измерений, оттуда же, откуда растёт лиана. Прийдя оттуда, цветы вынули наши души и сами вросли на освободившееся место, причём у каждого лишь свой цветок. Если ты, Лаврентий, подобный нам, останешься, то также обзаведёшься собственной орихидеей. Моя, например, проецируется в физически видимую реальность как цветок зигопеталума интермедиума. Но у тебя будет своя. Какая именно - пока что никто не способен ответить тебе на этот вопрос, всё выясняется предельно просто - только опытным путём, и никак иначе. Если же ты откажешься - забудешь нашу беседу, как дурацкий сон, привидевшийся после плотного и сытного ужина.

Наш клан, названный некогда его создателем “Ноктюрн” существует уже не одну сотню лет, и для нас это нитевидное равновесия, регулируемое растением из другого измерения, стоит превыше всего. Когда-то давно, ещё в диковатое Средневековье, в те беспмятные времена смутного народного самосознания, опиравшегося на гильдии мастеровых в непрекращающейся войне всех против всех, мы безумнее всего боялись идти на открытое столкновение, опасались раскрытия нашей деятельности и последующего обвинения в ведовстве и использовании магии, хотя как раз народной-то суеверной магией и исполненной бессмысленных ритуалов мантикой мы никогда в жизни не пользовались.

Именно поэтому мы, едва возникнув в качестве стандартной городкой гильдейской структуры, маскирующейся под союз цехов краснодеревщиков, сами придумали для необразованных и плутовавших в потёмках ума людей мифы и представления о мистических и практически непобедимых вампирах и вурдалаках, обладающих непомерной силой внушения, дабы разжечь в людях ещё больший ужас и оттолкнуть наших потенциальных недоброжелателей от решительных действий против нас. К тому же ужас - это, как известно, очень и очень сильная эмоция, которая, излучаясь вовне, способна давать нам посредством Лианы значительный прилив сил.

Некоторые дикие и особенно эпатажные представители клана “Ноктюрн” действительно пытались соответствовать своему образу, немало веселясь и, как сейчас говорят, прикалываясь, нападая по ночам на людей и кусая их для пущей убедительности, чем поспособствовали значительному утверждению данного мифа среди обывателей практически всех европейских стран, но мало кто из этих обывателей догадывался, что действительная искомая и избранная нами цель всегда была совсем иной. Достаточно было покусать хотя бы одного крестьянина, и вот уже через пару дней вся без исключения деревня его паникует, наполняя паникой своей толстое зелёное тело, канат нашей Лианы, дарующий нам силы к истинно длительному существованию и к относительно безупречной неуязвимости.

Мы не можем допустить, чтобы источник нашей жизненной энергии завял навсегда, ведь тогда не будет существовать никакой силы, позволяющей нам по-прежнему удерживаться в сознании и добром здравии - истинные прижизненные ресурсы каждого вампира в нашем клане давным-давно уже выработаны, и, если бы не Всемирная Лиана, то жизнь нас покинула бы ещё много столетий тому назад. И мы день за днём волей-неволей вынуждены делать всё, что позволяет нам пополнять давно уже закончившиеся силы. Поколения приходят и уходят, одни мифы, порождавшие в поколениях страхи и способы нашего самоутверждения, сменяются в других поколениях новыми или хорошо переосмысленными и актуализированными страхами, занимающими свой мрачный угол в жизни каждого человека даже в том случае, если он и сам не всегда понимает природы своих страхов и истинных причин поступков. Поле коллективного бессознательного неустанно делает своё дело, вовлекая в иллюзорные искажения и вредные эмоции всё большее и большее количество человек, разрастаясь и совершенствуясь с накапливаемым опытом уходящих в прошлое поколений и определяя развитие последующих.

По факту, чем дальше развивается цивилизация людей, тем более она несвободна и зависима от этого общего поля, в котором все равны - русский олигарх и нигерийский бомж, афганский полевой командир и северокорейский патриот, украинский скинхед и голландский гей, чукотский оленевод и британский денди-нарцисс, исландский рыбак и американский фермер. Все равны и каждый делает свой хоть и мизерный, но посильный вклад, водопадом впадающий в общемировой океан коллективного разума человечества, смешиваясь в единое то, что лишено любых имён, но зато наделено импульсными волнами осознания, оказывающими влияние на всех и каждого. Да, и на тебя. И на меня. Теперь-то ты понимаешь, почему вокруг творится такой дурдом? Но всё, что чувствуют эти люди в душевных порывах раскалённых страстей, становится нашей пищей.

Чем больше человек переживает, чем больше человек боится, волнуется, нервничает, пытается показать и доказать всем новую достигнутую им степень собственной крутизны и власти, обижается и расстраивается, думает о несправедливости поступков других людей по отношению к нему и о том, что подумают эти самые другие люди, сам не одобряя и критикуя их поступки, вмешивается в дела, всюду суёт свой нос, пробиваясь, идет по головам, тем более человек истощает себя и, конечно же, сокращая собственную жизнь, продляет ношу, орхидейную. Сейчас в мире расплодилось такое невообразимое количество человек, что даже если бы каждый из них сократил свою жизнь переживаниями, сомнениями и страхами всего лишь на одну-единственную минуту, то весь наш многоглавый клан смог бы безропотно и спокойно просуществовать ещё без малого добрую сотню лет.

Но люди оказываются очень щедрыми существами и даруют нам не то, что какую-то сотню, а целые десятки тысяч лет будущего, причём ежедневно, наделяя паразитические цветы из параллельного мира качествами практически бессмертных существ. Рада ли Лиана сложившемуся положению вещей? Я сомневаюсь. Это глубоко несчастное, старческое и болезненное существо, насквозь проросшее паразитирующими на ней орхидеями, которое давным-давно бы уже засохло, если бы её цветочные вампиры не прикладывали все силы к человеческой реальности, чтобы сделать эту реальность самым благодатным удобрением для Всемерной Лианы, максимально долго продлив её - и собственное - пребывание на Земле. В общем, если ты, Лаврентий, настолько тупенький, что ещё не осознал этого факта, то скажу тебе прямо: мы - энерговампиры, и мы были бы рады восполнить

клан “Ноктюрн” ещё одним человеком в твоём лице и с твоего согласия, разумеется.”

В это время из распахнувшихся дверей, расположенным на разных сторонах комнаты начали изливаться россыпью птиц, словно катящиеся по поверхности кулинарного стола маковые зернышки, непривычным для глаза образом одетые люди в почти что одинаковых тёмных кожаных костюмах с застёжками-молниями и липучками сильно осовременивавшими их одеяния, отчего облик этих людей начинал казаться деланно-эклектичным и даже с ноткой некоего обезображивания, в котором одновременно сочетались классический и модернистский стиль, будто одеяние европейской аристократии давно минувших дней было наспех перекроено на современный лад без особых растрат на модельера-дизайнера. Впрочем, и ради чего на него бы стоило тратить? Вампиры, в отличие от людей, друг перед другом не красуются и не выёживаются. Зато исходя из всех тех сведений, что только что снизошли на меня из уст Аристарха, я посчитал, что, возможно, дело с перекройкой именно так и обстояло, и этим костюмом точно несколько столетий. Каждый из вошедших, если не сказать - взошедших, в залу людей почему-то считал своим обязательным исполнению долгом поздороваться со мной.

- По какой-то причине я должен тебе доверять, если вижу тебя вообще в первый раз? Откуда мне знать, что твои слова не ложь? - попытался уточнить я у Аристарха.

- Ты ведь и сам был непосредственным свидетелем процесса, при котором люди добровольно отдают все свои излишки самолюбия и апломба корням Всемерной Лианы, так неужели это не является без тебя доказательством правдивости моих слов? Ведь это же твоё собственное восприятие, или ты предпочтёшь списать всё замеченное тобой на спонтанное проявление галлюцинаций, поскольку не доверяешь даже сам себе и полагаешь, что вся эта расколбасная молодёжь на танцполе “Звёздного пирата” также способна понять, что отдаёт навсегда часть сами себя на съедение Лиане, а она уже в свою очередь перекачивает каждому из нас честную равномерно распределённую между всеми долю, которая, как я уже упоминал, настолько превышает наши потребности, постоянно всё более и более продлевая наше существование, вплоть до бесконечности? При подобном раскладе новичкам мы только рады - да теперь каждый будет получать чуточку меньше энергии, но её будет слишком много даже в том случае, если мы примем к себе ещё десять тысяч таких как ты - вот только на самом деле у нас не предвидется столько кандидатов в ближайшее время, если,

естественно, вдруг не поменяется человеческая природа и не вырастет поколение видящих нити Лианы и чувствующих вкус её токов, протягивая к ней собственные связки из центров силы точно так же, как младенцы тянутся к материнскому молоку? Прочие не то, что не хотят быть связанными с Лианой - от подобного рода привилегий, думается мне, мало кто бы захотел отказаться. Просто они не умеют её воспринимать. И дело здесь вовсе не в том, что у тебя есть какие-то особенные сверхчеловеческие способности, а у них - нет. Jny.lm/ Считать так было бы огромной ошибкой и большой самонадеянностью с твоей стороны. Есть люди гораздо более способные от рождения, но выросшие и воспитанные в среде, подрубившей на корню все их умения, казавшиеся родителям непонятными, пугающими, а то и вовсе опасными.

В подобных условиях дети сначала обижаются на то, что их чувства и восприятия окружающие считают выдумкой, а их самих - врунишками и, дабы не испытывать постоянную несправедливую обиду, начинают стараться поменьше воспринимать всё то, что для взрослых запретная зона. Запретной эта зона становится для них не оттого, что там действительно есть что-то запретное, а лишь оттого, что это пространства чистейшей terra incognita, собственный панический страх перед которой взрослые привычно вымещают на собственных чадах, опасаясь за продолжение рода. А подрастая, эти бывшие дети забывают всё, что видели и понимали в детстве, начинают и сами считать выдумками свои детские осознания, перестают видеть барабашек и смеются по поводу рук из-под кровати, а затем начинают обучать уже своих детей точно так же бестолково, как когда-то обучали и воспитывали их самих. Как в том бородатом анекдоте, сочинённом, кстати, как раз одним из вампиров, коротко и лаконично выразившим всю суть парадокса воспитания: “По небу летела швабра. - Смотри, швабра летит! - радостно крикнул Петя. - Швабры не летают. - ответила ему мама, и швабра упала.”

Увы и ах - из этого порочного круга выбраться не так-то просто, поэтому мы сейчас и имеем раз-два и обчёлся вампиров, умеющих лицедреть потоки золотичтых нитей внутри Лианы, которыми она пьёт окружающих её людей, воспитанных в правильной и благообразной манере современного светского общества, а потому скачущих горными козлятами под электронный саунд, а не наслаждающихся пожираемыми плодами цивилизации здесь вместе с нами. Они ничем не лучше и не хуже нас - им просто не повезло вырасти такими, какими их выращивали, как томаты на грядке. Карл Юнг был бы просто счастлив,

если бы ему довелось хоть одним глазком взглянуть на то, что видел ты. По сути - он был одним из непосвящённых вампиров, до которого мы так и не добрались. Но ему вполне на своём веку хватило способностей, чтобы многим людям приоткрыть глаза.

Может, не так уж и плохо, что он ничего не знал о Лиане, а то приоткрыл бы людям глаза и на её природу и предназначение - и тогда нашему древнему клану точно пришла бы крышка. Так что неизвестно, чем обернётся то или иное, малозначимое на первый взгляд, событие: сиюминутная удача способна впоследствии через многочисленные цепи других событий обернуться катастрофой, а провал в каком-то деле позволить перестать человеку тратить время на чуждый ему род занятий и найти себе более поющее дело, в котором он сумеет впоследствии наиболее полно раскрыться. Проблемы и удачи, провалы и свершения, горести и радости непрерывно и циклично сменяют друг друга, плавно перетекая из одного в другое так, что становится далеко не всегда ясно, как расценивать то или иное событие. Да и нужно ли? Этот маятник будет раскачиваться до тех пор, пока каждый человек не найдёт в себе достаточно силы воли, чтобы остановить непрерывный эскалаторный бег этой зебры жизни, осознав, что, на самом деле, всё едино, а как мы расценим то или иное событие, будем по его поводу грустить или радоваться, всецело зависит лишь от того, что творится у нас в голове - и ни при каких условиях ни от чего более. Миру нет дела до наших страстей. Кстати, никогда не задумывался, почему жизнь сравнивают именно с зеброй, а не с тигром, скумбрией, колорадским жуком или загоревшей сквозь полуоткрытые офисные жалюзи бухгалтершей - они ведь все тоже полосатые, разве нет?

Таков был весьма развёрнутый ответ, данный на мой вопрос орхидейным вампиром Аристархом, словно бы удивившимся неожиданности моего недоверия клану “Ноктюрн”. Но он и не думывал останавливаться, решив продолжать диалог, обратившийся в подобие лекции:

- Ты знаешь, если бы не существовало нашего клана, то ночные клубы навряд ли получили бы столь уж широкое распространение и популярность, так и оставшись на уровне постепенно становящихся достоянием истории “кислотных тестов”, устраивавшихся в шестидесятые годы прошлого века маленькими группками американских хиппи. Например, “merry pranksters” под предводительством известного писателя Кена Кизи. Как раз в то самое время внедренец от нашего клана в Штатах Том Вулф занимался исследованиями альтернативных источников энергии и открыл весь

великий потенциал эпатажных дискотечных вечеринок для нашего питания. Написанное им по результатам собственного исследования гонзо-эссе “The Electric Kool-Aid Acid Test” стало очень быстро настольной книгой в вампирской среде, одновременно обретя почти общемировой запрет на печатное издание этого произведения - не исключением стало и наше достославное Отечество.

К счастью, во многом именно благодаря стараниям Вулфа, мы вовремя разглядели весь этот почти неограниченный потенциал танцевальных клубов. Мы просто не могли и не должны были обойти эту тему стороной. Нет условий более идеальных для нашего пропитания, нежели танцпол, где люди прыгают, растрачивая всё равно вникуда много, крайне много энергии, которую мы-то тихонько и незримо за ними подбираем. Люди радуются, но и не только: в самом деле, они избавляются от накопленного напряжения устремления к мнимой реализации, показывая себя перед всеми остальными, хотя это, в действительности, не имеет никакого значения, и никому до этого тоже нет никакого дела, кроме как для тех, кто возомнил себя кем-то ещё, кроме тех, кем они уже являются. Именно данное нам положение дел подпитывает Лиану от них огромным количеством нитей и потоков.

Она живет сейчас так же, как и жила тысячи лет назад - в своём подпространстве вне времени человеческих категорий, зато протягивая отныне собственные толстые усищи в каждый клуб, а поэтому и штабы “Ноктюрна” всегда размещаются исключительно недалеко от подобного рода заведений, или даже в них самих, в худшем же случае, если нигде поблизости нет клуба, то хотя бы просто в местах большого скопления людей. Впрочем, это скорее уж традиция, не имеющая под собой физических оснований, а только опирающаяся на давнюю-предавнюю позицию: ещё в Новое время вампиры селились вблизи от крупных дворцов и располагавшихся в них бальных залах, хотя в то время энергоэффективность танцев с нашей точки зрения была очень и очень невелика, так что открытие дискотек стало действительно мощным прорывом и ознаменовало целую новую главу в нашей истории, эпоху, если не эру развития “Ноктюрна”.

Всемерная Лиана никак не скована нашей традицией, скорее уж ей мы скованы сами - селясь вблизи модных клубов мы делаем изящный жест волеизъявления клана, выражая таким способом всеобщее наше почтение единственному на данный момент источнику жизненной силы для нас. Хотя, я уверен, Лиане наплевать на нас и превозносимые нами почести. Это как если бы блохи вдруг начали поклоняться собаке, на которой едут и которую едят: собака скорее бы обрадовалась хорошему

антиблошиному шампуню, чем блошиному коленопреклонению. Вот и мы здесь вроде блох. Даром, что орхидеи. Лиана же не следует никаким сковывающим нас, трёхмерных существ, принципам осознания, ощущения и восприятия пространственно-временного континуума, ей нет дела до любых физических законов - ведь она вне повседневной реальности. Она вмиг способна достичь любой точки Земли - и не только её - собственными бархатистыми усиками, поэтому вопрос открытия новых питейно-танцевальных заведений у нас чисто количественный - чем больше клубов, тем больше силы, вне зависимости от их размещения, ведь каждый клуб для нас в практическом плане - это место Силы. А вампиры - по факту являющиеся ходячими зондами, глазами, ушами, голосами, а, возможно, и проводниками идей Всемерной Лианы - существа очень практичные, уж поверь мне, зря мы и пальцем не пошевелим.

После пяти-шести столетий жизни, знаешь ли, зря пальцем шевелить становится как-то неинтересно и даже неспортивно, а скорее - противно, как и сам процесс вялотекущего недоумирания на искусственной подкачке, который вампиры зовут своим существованием. Бывает, что пациентам в реанимации на какое-то время включают при помощи специального аппарата искусственное дыхание. Мы же, став орхидеями, включили сами себе искусственную жизнь с помощью нашей специальной Лианы, причём не на время, а навсегда и потому всё наше вампирское времяпрепровождение - сплошная бутафория. Сначала ты радуешься вечной жизни, пока ещё живёшь свою собственную, а когда она заканчивается - и ты чувствуешь этот момент, в который прекратил бы своё существование, если бы не был вампиром, чувствуешь всей кожей, что пора уходить, но некуда - и тогда мир в тебе словно бы опустошается, как будто тебя выливают в бесконечное ничто, и ты по-прежнему пытаешься допрыгнуть, доползти, достать, достичь всех прошлых прижизненных ощущений, но их нет, нет ничего, кроме данного тебе в продление существования Безмерной Лианой.

Ты изображаешь радость или печаль, но тебе никак, ты кушаешь шоколад, но по вкусу он, как кусок фанеры, ты можешь объездить всю Землю - и не насытишь глаза красками, ты будешь слушать лучшие песни до полуглухоты - и никогда не проникнешься ими, и пусть ты будешь даже сказаочно богат, но ничто не способно будет доставить тебе хоть малейшее удовольствие или разочарование. И когда ты догадаешься поискать сам себя - и не найдёшь, то поймёшь всю бессмысленность дальнейших поисков ощущений - ты уже мёртв, тебя

нет и не будет, так что же ты так стремишься обрести, а главное - кто стремится это всё обрести? И с этого момента, в который со всей неминуемой, как мчащийся на всех парах поезд, ясностью ты осознаешь, что твоя смерть оказалась подобна нирване, и тебе уже ничего не нужно от этого мира, как и миру более ничего не нужно от того, кого не существует уже очень давно. Пройдут десятилетия, прежде чем ты окончательно привыкнешь быть никем, пока избавишься от остатков всего человеческого, пока окончательно выветришь их из собственной памяти, просеивая, как мучные комочки через сито разума, и дальше ты уже просто будешь продолжать существовать не как некто, а как нечто - как скала, неподвластная времени, неспешное смещение материков или растворяющиеся над головой туманы облаков, постоянно меняющие форму, даже не будучи при этом чем-то единым, так что становится непонятным, чья форма взаправду меняется.

Вот что значит быть вампиром - древним вампиром, который готов рассыпаться в прах в сей же миг, если будет отключен от Всемерной Лианы или если завянет его личная орхидея, при этом даже ничуть не сожалея о прекращении существования только потому, что сожалеть о нём уже много сот лет как некому, да и не прекращается ничего, это лишь в облаках капельки тумана смещаются друг относительно друга. Ты, Лаврентий, ещё слишком молод. Ты живёшь свою собственную жизнь, и пока ты её живёшь, посвящение в тебе ничего не изменит, кроме добавления чувства личной орхидеи и взаимосвязи с растительным чуждым сознанием Лианы, питающей нас. Но когда-нибудь, ты тоже поймёшь, что значит не иметь желаний и не испытывать страданий, что значит быть ничем и никем, что значит доверять, не доверяя, воспринимать, не воспринмая, ничего не бояться, ни о чём не печалиться и не сожалеть, ничем не восхищаться, ничему не удивляться и ни к чему не привыкать - и жить так, не будучи живым в повсеместной никаковости из ничего, даже без чёрно-белых тонов существования, не то, что красочных. Вот почему нам так лениво и так бессмысленно зря шевелить пальцем без повода. Хотя и поводы мы выдумываем сами - какие могут быть цели у существ без побуждений?

Но сполна нас могут понять только такие же, как мы: ветхие вампиры столетий. А поскольку мы уже не являемся кем-то, то, можно сказать, что нас не способен понять никто, включая нас самих. Или как раз наоборот - никто-то и оказывается способным понять нас, как самого себя, поскольку мы все в такой же степени никто, как и сам никто - никто. До чего только не додумаешься за пятьсот с хвостиком лет непрерывного наблюдения жизни со стороны! Но для этого, как

минимум, нужно стать вампиром - а остальное придёт. Или уйдёт? Вот видишь, Лаврентий, я так стар, что уже не различаю, приходит ли что-то или уходит - для меня всё едино, и пульс мой есть пульс Лианы.

Всё же прочее - не более, чем мастерская игра с театральными масками, как в античности, опять-таки долгий опыт позволяет отточить умение играть в жизнь до степени абсолютной убедительности - так, что верить тебе начинают не только все окружающие, но верить себе начинаешь ты сам - но лишь до тех пор, пока не наступает очередной антракт пустоты, в котором ты, один на один с собой, видишь истинную природу вещей и истинное положение себя среди этой самой природы. Но, кажется, я и так рассказал тебе уже слишком многое о вампирах, даже то, что, наверное, и не следовало бы рассказывать, по крайней мере, ещё прижизненно. Я знаю, что большинство сказанных мною слов, не имеют для тебя действительного смысла, но настанет время, когда ты их ещё вспомнишь и не будешь тратить время на бессмысленные попытки удержать в ладонях высыпавшийся между пальцев песок. Пора вернуться к теме наших питательных заведений.

Что бы человек не делал в клубе, здесь всё обустроено так, чтобы он потратил как можно большее количество не только денег, но и сил, эмоций, ощущений, расцениваемых им скорее в качестве положительных даже в том случае, если они не являются таковыми по своей глубинной сущности, лишь бы сохраняли свою притягательность, чтобы человек, посаженный на крючок танцпола, возвращался сюда снова и снова, постепенно превращаясь в завсегдатая и всякий раз отдавая нам частицу сути, оторванную от самого себя. Как высыхающая дама, всячески стараясь скрыть неизбежные следы увядания, намазывает на себя по три кило косметики, становясь похожей скорее не на мисс мира, а на плохо оштукатуренное чучело динозавра, так и негативные эмоции просто обожают скрываться в людях под масками позитивных - впрочем, ровно с тем же результатом, что и у стареющей барышни. Вот почему многих завсегдатаев подобных заведений можно принять за зомби: их ничего не интересует, кроме собственного напыщенно раздутого престижа и важности, уравновешенного невероятно стабильной уверенностью страха потерять свой престиж и мнимую значимость.

Атмосфера ночных клубов в своём дистиллированном виде подстёгивает таких людей отдавать нам всё больше и больше сил до тех пор, пока человек не растеряет последний огрызок от собственной жизни и зачастую не умирает в возрасте каких-нибудь тридцати - тридцати пяти лет, если не перестаёт посещать такого рода заведения.

Все его знакомые, как правило, очень быстро находят способ объяснить гибель понятными и кажущимися логичными и последовательными для них причинами: быстрые и энергичные танцы, повышенное давление, большое количество алкоголя и сигарет, да и нездоровый образ жизни в целом, но никто из людей даже и не догадывается об истинной причине потери долгих лет жизни человеком, погибшим в клубе от инфаркта или инсульта. А настоящая причина, как ты, Лаврентий, наверное, уже понял, заключается в том, что человек по доброй воле передал всю свою оставшуюся жизненную силу на продление жизни членов клана “Ноктюрн”.

Но самыми сладкими моментами для нас в плане выплеска жизни в дар Лиане являются именно те моменты, когда клубным людям все-таки удастся потерять престиж и опуститься, прежде всего, в своих собственных глазах. Именно в этом случае выплеск их жизненной силы получается наиболее мощным среди многочисленных других случаев потери ими энергии, резко вливаясь через внутренние орхидеи, переполняет всех нас от самых пяток до макушки головы. По сути, если вдуматься, то какие же мы вампиры? Мы - падальщики. Мы никогда не отбираем принадлежащее другим людям, мы только подбираем то, что эти люди сами выбрасывают, наивно полагая, что сила жизни им не понадобится - и вот тут-то и появляемся, принимая в себя самое ценное, что есть во Вселенной, до последней капли.

Конечно, мы всячески, как я уже говорил, провоцируем человечество на периодическое фонтанирование собственными часами существования, да, не без этого. Но вот поведутся ли люди на наши игры с эмоциональной средой, зависит отнюдь не от нас, а только от них. Тебя провоцируют, а ты не провоцируйся! Вот и весь секрет успешной и долгой жизни среди вампиров. Но, как правило, те, кем движут примитивные рефлексивные потребности, заключающихся в актах траты денег и осуществляемого потребления, не способны на достаточный самоконтроль, чтобы избежать эффекта от наших провокаций. Недаром словосочетание “клубная молодёжь” вызывает околоосознанные ассоциации с мешком картошки - силы воли и понимания жизни в них примерно поровну, то есть маловато будет. Хотя за картошку я не ручаюсь. Мне про этот самый картофель, помнится, ещё в ранние годы обучения в “Ноктюрне” объясняла Мадам в красном, которая всё со своими весами мартышек настаётся, приходя из одной поекции, где насквозь прорастает Всемерная Лиана, приоткрывая брешь между мирами.

Вся скучная жизнь зомбированных людей танцпола, выстроенная по

цепи вовек неисправимой направленности исключительно на выплеск вовне как можно большего количества собственной жизни в виде ничем не сдерживаемого тока наших нитей, а клуб, как никогда и ничто другое способствуют раскрытию в этих богатырях попок и красных девицах панели именно качеств саморастрааты и всевозможных форм самооправдания, даже кажущихся порой невозможными или принадлежащими категории “специально не придумашь”. Они уже и так почти всё отдали, едва цепляясь за собственные останки от жизни и превратившись бездушные машины по производству невероятных для человека объёмов низкочастотных колебаний излучения. Как сельские жители доят свой домашний скот, а муравьи - тлю, так и наша Лиана всякий раз выдаивает из людей все более и более растущие в раскрепощённости волны, за последние полвека уже почти превращенные в цунами вибраций, от пресыщения которыми даже вампирам становится не по себе. Концентрированная тёмная жизнь растворяет покой нашего небытия даже сильнее, чем царская водка разъедает собой железо.

Однако с домашними животными здесь есть всё же одно знаковое отличие. Зверушка-бурёнка понимает, что у неё отбирают молоко, в общем-то, по её доброй воле, потому особо-то и не сопротивляется: её заботливо держат в тёплых загонах-сарайках, чистят и кормят. Люди же с танцпола глядят вокруг, полагая себя чуть ли не центрами мироздания, и греют свечи душ силой иллюзорной идеи о якобы существующей у них свободы выбора. Они не отдают нам свою свободу по доброй воле думая, что таким образом свободу свою реализуют, на деле же исторгают из себя всё напрочь и, на самом деле, чувствует немалое внутреннее облегчение, сбрасывая с себя балласт никому не нужных бессмысленных и бестолковых страстей, терзаний и сомнений.

С этими словами Аристарх замолк, схлопнув плащ, точно оперение павлина, измазанного в печной саже, и подошёл к роялю, стоящему ровно посередине старинного подвального помещения, откинул крышку и принялся играть ноктюрн Эдварда Грига, будто бы дословно символизируя наименование собственного клана. Потoki звуков, точно бы отскакивающие от поверхности соприкосновения кожи пальцев Аристарха и пластика клавиш рояля, сами по себе точно бы сливались в разноцветные нити, становясь похожими на каналы и нити, питающие Всемерную Лиану, но нестерпимо более светлых, возвышенных и чистых. Я заливисто рассмеялся над этим кажущимся на первый взгляд парадоксом: эмоции вампиров оказались значительно светлее, ярче и безупречней эмоций обычных людей, это открытие было для меня

воистину неожиданным!

Аристарх, тем временем, закончив играть ноктюрн, порывисто потряс головой и, захлопнув крышку рояля поводит по ее гладкой поверхности своей шероховатой рукой. И в очередной раз он продолжил свой рассказ: “В ранние времена среди представителей нашего клана были более всего распространены священнослужители, бывшие в Средневековье зачастую довольно-таки грамотными и образованными, а оттого способными своими речами заставить людей слепо верить, чувствовать и не бояться глубокого преклонения перед исповедуемыми этими священниками идеями. Люди начинали испытывать во время чтения проповедей эмоции невероятно сильные и глубокие, корнями уходящие в самые первоосновы общечеловеческих инстинктов, в частности, инстинкта самосохранения. Сейчас времена настали уже далеко не те, да и не ощущаем мы более необходимости обустроиваться где-то ещё, когда под боком всегда есть пригретое очень и очень эффективное, такое вот вкусное местечко.”

Некоторое время я стоял, как вкопанный, не в силах поверить свалившемуся на меня потоку выдающихся откровений и открытий. Подождав немного, пока я оправлюсь от удивления, Аристарх закинул ногу за ногу, развалившись на кресле, и предложил мне: хочешь ли ты испытать на себе эффективность нашего извечного изобилия, почувствовав дарованную нам силу, дающую жизнь, способную заглядывать самые потаённые уголки человеческого разума? Ответить я ничего не успел. Вместо этого почувствовал сильнейшее головокружение, а реальность вокруг меня словно бы вдруг переключилась. Я больше не я, а полуметровый в диаметре шарик, этакий всевидящий пакман, способный наблюдать всё и сразу во все стороны, на триста шестьдесят градусов.

Образов конкретных объектов, которые можно было бы хоть как-то обозначить, вокруг словно бы не существовало. Всё, что я мог наблюдать, это было тёмное пространство, в котором я не чувствовал никаких стен, но совершенно явственно ощущал их присутствие по кругу со всех сторон, точно бы мне довелось висеть в гигантской трубе, уходящей сверху вниз и имеющий диаметр около ста, а то и более метров. Прямо передо мной висела весело искрящаяся и конвульсивно бьющаяся в судорогах жила радужной лианы, которую я тут же, не раздумывая ни на мгновение, схватил зубами, слушаясь инерцию глубинного трудноописуемого интуитивного или даже инстинктивного импульса.

Моментальный, как луч лазера, разряд ласкающего электричества

безболезненно пронзил меня насквозь, словно бы влившись во внутреннее частоты саморефлексии рассудка, привнося со всеми исторгающимися эмиссиями колебаний чувство неопишемого восторга и экстаза запредельной офории. Колебания все усиливались и уплотнялись до тех пор, пока не слились в один сплошной и непрерывный трепещущий гул во всём моём телесном кругляшке зубастого пакмана. Но и этот процесс, казалось, не имел своего предела, продолжая усиливаться и разрастаться на неограниченном пути к недостижимому переходу в иное качество самого себя, в котором продолжали образовываться уже бурления более глобальных многомерных колебаний частот энергопотоков более высокого порядка, причём первичные колебания, на фоне которых возникали уже модуляции колебаний вторичных, были настолько велики, что дребезжание их воспринималось скорее уж в качестве давления, тогда как амплитудная модуляция колебаний второго порядка была гораздо более низкой по сравнению с первичной, но при этом тоже продолжая всё ускоряться и ускоряться. Повисев в состоянии этой ослепительной ясности и яркости, исходившей от Лианы, минут этак двадцать, я точно бы провалился вовнутрь той колоссальной трубы, что всё это время окружала меня.

Тут передо мной на очень близком расстоянии появилось лицо Аристарха, расплывающееся мелкой рябью, как будто я разглядывал его с обратной стороны поверхности лужи, и провозгласившее: “Добро пожаловать в наш клан “Ноктюрн”, вампир эмоций Лаврентий! Осталось сделать всего лишь махусенький шажок: теперь лишь требуется, чтобы у тебя проросл орхидея. Она должна поивиться, вырасти и распуститься у тебя над самой макушкой головы. Как только она распустится, и её цветок начнёт вращаться, ты навсегда станешь одним из нас.”

- Я не давал вам никакого согласия, ты думаешь, что после всего того, что ты мне поведал, у меня появится желание превращаться в хоячего мертвеца, наподобие вас? - меня возмутила вампирская настырность, с которой Аристарх пытался затащить меня в свой клан.

- Так ты полагаешь, что те ходячие мертвецы, что скачут на танцполе, чем-то лучше и живее нас? Ты сам только что видел их эмоции и мои эмоции во время игры на рояле...выбирай.

- И всё же, Аристарх, у меня нет никакого желания менять собственную природу. Ради чего? Ради продолжения существования в веках в качестве бесчеловечных рассыпающихся туш на подкачке искусственной жизни Лианой? Верни всё, как было!

- Как пожелаете, как пожелаете. Сударь Лаврентий. - эти слова, произнесённые Аристархом и сопровождаемые ироничной улыбкой на его бледном лице, были последним, что я увидел в том пространстве, в котором находился и которое вдруг начало расплываться и терять отчётливость, темнеть и распадаться, а у меня возникло отчётливое ощущение прерывания сознания с проваливанием в темноту.

Через неопределённый, но, похоже, не столь уж значительный период времени, я пришёл в себя, всплыв из охватившей меня пвсеместной темноты на том же самом месте в клубе, где впервые почувствовал на себе холодный и пристальный взгляд Аристарха. Я судорожно оглянулся на то место, где раньше видел его - так и есть: Аристарх стоял ровно на том же самом месте, что и раньше, но на этот раз он задумчиво разглядывал дергающиеся тела танцующих и даже не думал смотреть в мою сторону.

Я выдохнул с облегчением и поспешил покинуть помещение, а придя домой тут же решил подробно записать всё, произошедшее со мной в этот вечер - результатом моих стараний как раз и стало сие достоверное изложение событий.

*Белусов Роман,
08 января 2014 года*